

Научная статья

УДК 340.131.4

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-1-105-114

О допустимости ограничения прав и свобод человека нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации в контексте угрозы распространения социально значимых заболеваний (эпидемий, пандемий)

Максим Геннадьевич Шишкин

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия, maks.schischkin2011@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрен порядок введения ограничений в Санкт-Петербурге в связи с распространением в городе коронавирусной инфекции COVID-19. Утверждается, что в российском обществе отсутствует единое мнение о необходимости и целесообразности введения ограничений. Автор считает, что ограничительные меры следовало ввести. Вместе с тем, по его мнению, введенные ограничения не имеют под собой нормативного обоснования в полной мере. Сделан вывод о том, что нормы законодательства Санкт-Петербурга требуют корректировки в аспекте наделения органов государственной власти указанного города полномочиями по ограничению прав и свобод человека. Научная новизна статьи находит отражение в комплексном анализе нормативных правовых актов федерального и регионального уровней.

Ключевые слова: Конституция РФ, федерализм, ограничение прав и свобод, законодательство, коронавирус, верховенство права

Для цитирования: Шишкин М. Г. О допустимости ограничения прав и свобод человека нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации в контексте угрозы распространения социально значимых заболеваний (эпидемий, пандемий) // Социология и право. 2022. Т. 14. № 1. С. 105–114. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-105-114>

Original article

On the admissibility of restricting human rights and freedoms by a regulatory legal act of a constituent entity of the Russian Federation in the context of the threat of the spread of socially significant diseases (epidemics, pandemics)

Maksim G. Shishkin

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg,
Russia, maks.schischkin2011@yandex.ru

Abstract. The article discusses the procedure for introducing restrictions in St. Petersburg in connection with the spread of coronavirus infection in the city. The author notes that there is no consensus in Russian society about the necessity and expediency of introducing restrictions. The author believes that restrictive measures should have been introduced. At the

same time, according to the author, the restrictions imposed do not have sufficient regulatory justification. At the same time, the author comes to the conclusion that the norms of the legislation of St. Petersburg require adjustments in terms of giving the state authorities of St. Petersburg the authority to restrict human rights and freedoms. The scientific novelty of the article is based on a comprehensive analysis of regulatory legal acts of the federal and regional levels.

Keywords: Constitution, federalism, restriction of rights and freedoms, legislation, coronavirus, rule of law

For citation: Shishkin M. G. On the admissibility of restricting human rights and freedoms by a regulatory legal act of a constituent entity of the Russian Federation in the context of the threat of the spread of socially significant diseases (epidemics, pandemics). *Sociology and Law*. 2022;14(1):105-114. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-105-114>

Приоритет прав и свобод личности, установленный Конституцией Российской Федерации (РФ), не может при его реализации вступать в противоречие с интересами публичными и нивелировать их. С учетом наличия возможности ограничить права и свободы человека и гражданина посредством принятия федерального закона, а также ввиду федеративного характера территориального устройства России возникает проблема допустимости ограничения прав и свобод человека нормативным правовым актом субъекта РФ.

В настоящее время мир, включая Россию, столкнулся с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19, источник возникновения которой неизвестен до сих пор. Комплекс соответствующих мероприятий разрабатывали и принимали в сжатые сроки. Высокая вероятность передачи инфекции от человека к человеку предопределила выполнение органами государственной власти действий, направленных на минимизацию контактов между людьми. Следствием этого стало принятие нормативных актов, направленных на ограничение прав и свобод граждан, а также на ограничение деятельности организаций.

Актуальность темы состоит в том, что в российском обществе отсутствует согласие относительно вопроса о необходимости и целесообразности введенных изначально на территории нашей страны ограничений. Дискуссия об этом имеет несколько направлений: от необходимости установления ограничений (среди обывателей) как таковых до эффективности, правомерности действий со стороны федеральных органов государственной власти и органов государственной власти регионов.

Согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства [1]. Применительно к экономической стороне жизни человека конституционно-правовые нормы гарантируют свободу предпринимательства и иной хозяйственной деятельности, включающую в себя право на использование своих способностей для извлечения прибыли в соответствии с законом и возможность беспрепятственного перемещения товаров, услуг, финансовых средств. В развитие указанных норм закреплено положение о единстве экономического пространства на территории России.

Ограничение прав и свобод человека и гражданина разрешается посредством принятия федерального закона (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Но жесткость таких ограничений должна отвечать целям защиты государства, прав и интересов человека и гражданина, интересов общества. Вместе с тем нормой ч. 3 ст. 56 Конституции РФ установлено императивное правило, согласно которому не могут быть ни при каких условиях ограничены наиболее необходимые права и свободы. В их число входит право на свободное ведение хозяйственной

деятельности. Тем не менее нельзя не согласиться с необходимостью введения режима ограничений с целью противодействия распространения инфекции. Об этом свидетельствуют данные статистики, ежедневно обновляемые и размещаемые в открытом доступе. Однако рассмотрение принятых мер с точки зрения соблюдения принципов верховенства права, законности и соразмерности вызывает тревогу.

Прежде всего укажем, что установление любых правил поведения индивидов, как и их объединений, следует считать правовым режимом. По мнению С. С. Алексеева, правовой режим представляет собой порядок регулирования, основанный на комплексе правовых средств (среди них — дозволения, запреты, позитивные обязывания), особое сочетание которых обеспечивает направленность регулирования [2, с. 245]. Н. Г. Янгол под правовым режимом понимает систему условий и методик осуществления правового регулирования, определенный «распорядок» действия права, необходимый для оптимального достижения соответствующих целей [3, с. 13]. О. С. Родионов считает правовым режимом установленный законодательством особый порядок регулирования [4, с. 38]. А. П. Ситников делает акцент на том, что правовой режим есть специальный регламент деятельности субъектов права, применяемый в исключительных обстоятельствах [5, с. 11].

Одновременно в научной литературе разработано определение понятия «правовой режим ограничения». В частности, Г. С. Беляева, говоря о правовом режиме ограничения, акцентирует внимание на таких его характеристиках, как детальная нормативная правовая регламентация, наличие специфической цели, особый порядок регулирования, совокупность средств для создания оптимальных условий взаимодействия субъектов права, согласованная структурированность [6, с. 11–12].

Из преамбулы постановления Правительства Санкт-Петербурга от 13 марта 2020 г. № 121 «О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» (далее — Постановление № 121) следует, что Постановление № 121 принято во исполнение Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее — Закон РФ № 68-ФЗ) и Закона Санкт-Петербурга от 28 мая 2009 г. № 514-76 «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Санкт-Петербурге» (далее — Закон Санкт-Петербурга № 514-76) [7].

Пунктом 1 Постановления № 121 на территории Санкт-Петербурга вводится режим повышенной готовности для органов государственного управления, а в соответствии с пунктом 2 Постановления № 121 для граждан и организаций на территории указанного города устанавливаются меры, предусматривающие ограничения на занятие определенной деятельностью, посещение мероприятий и объектов. В марте 2020 г. для граждан установлены запреты на посещение развлекательных мероприятий, а также мест проведения досуга (аквапарков, кафе, ресторанов, спортивных и тренажерных залов и др.). Вследствие принятия данных мер напрямую затронуты интересы предпринимателей, поскольку отсутствие потребителей услуг исключает спрос и возможность получения доходов. К сожалению, аналогичные меры стали применяться в субъектах РФ и осенью 2021 г.

Между тем ст. 8 Закона РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» определен исчерпывающий перечень случаев, при наличии которых на основании законов РФ могут быть ограничены приведенные права граждан. Ограничения должны быть установлены путем введения особых условий и режимов проживания

населения и хозяйственной деятельности. Речь идет в том числе и об опасности распространения инфекционных, массовых неинфекционных заболеваний и отравлений людей [8]. Порядок введения ограничений при наличии угрозы возникновения и распространения инфекционных заболеваний предусмотрен Федеральным законом от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (далее — Закон РФ № 52-ФЗ). Статьей 1 Закона РФ № 52-ФЗ определено понятие «ограничительные мероприятия (карантин)», которое предполагает административные, медико-санитарные, ветеринарные и иные меры, направленные на предотвращение распространения инфекционных заболеваний и предусматривающие особый режим хозяйственной и иной деятельности, ограничение передвижения населения, транспортных средств, грузов, товаров и животных. Исходя из содержания ст. 31 Закона № 52-ФЗ, становится очевидным, что ограничения вводятся внутри определенной территории (России, субъекта РФ, муниципального образования) либо в местах осуществления хозяйственной и иной деятельности. В этой связи представляется верным введение на территории субъекта федерации карантина [9].

Нельзя не отметить, что на основании ст. 8 Закона РФ № 5242-1 на отдельных территориях и в населенных пунктах могут быть введены особые условия, режимы проживания населения и ведения хозяйственной деятельности. На наш взгляд, приведенное основание по содержанию совпадает с определением понятия «карантин», закрепленным в Законе № 52-ФЗ. Указанное обстоятельство, полагаем, позволяло применить перечисленные нормативные правовые акты для установления ограничительных мер.

В то же время нормой абзаца 1 ст. 1 Закона РФ № 68-ФЗ в редакции, действовавшей до 1 апреля 2020 г., чрезвычайной ситуацией признана обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей [10]. Согласно положениям частей 6, 7 и 8 ст. 4.1 Закона РФ № 68-ФЗ в той же редакции режим повышенной готовности вводится, в частности, на территории субъекта РФ решением высшего должностного лица соответствующего субъекта федерации при угрозе возникновения чрезвычайной ситуации.

Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» (далее — Закон РФ № 98-ФЗ) в Закон РФ № 68-ФЗ внесены изменения. Статья 1 Закона РФ № 68-ФЗ дополнена словами «распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих», как одна из характеристик понятия чрезвычайная ситуация [11]. Пункт 1 ст. 11 дополнен подпунктом «у», с учетом которого органам государственной власти субъектов РФ предоставили полномочия по установлению обязательных для исполнения гражданами и организациями правил поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации. Обратим внимание на ст. 21 Закона РФ № 98-ФЗ, которой определено вступление в силу закона датой его опубликования. При этом в Законе РФ № 98-ФЗ не содержатся нормы, которые распространяли бы действие на отношения, возникшие до момента его вступления в законную силу. Данное обстоятельство минимизирует усилия законодателя по оперативному внесению изменений в нормативное правовое регулирование, о чем пишут ряд представителей науки [12, с. 51].

Безусловно, норма ч. 10 ст. 4.1 Закона РФ № 68-ФЗ предоставляет органам государственной власти субъекта федерации возможность ограничивать доступ людей и транспортных средств на территорию, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, а также в зону чрезвычайной ситуации, и приостанавливать деятельность организаций в зоне чрезвычайной ситуации. Тем не менее, как указывает А. М. Коновалов, приведенная норма не позволяет вводить запрет на передвижение внутри зоны чрезвычайной ситуации и не предусматривает возможности ограничить (или даже запретить) деятельность индивидуальных предпринимателей [13, с. 33].

Постановлением Правительства РФ от 21 мая 2007 г. № 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее — Постановление № 304) установлены критерии, при наличии которых должен быть введен режим чрезвычайной ситуации. В частности, к таким критериям относятся количество жертв, размер причиненного ущерба. При наличии указанных условий вводят режимы чрезвычайной ситуации муниципального, межмуниципального и регионального характера [14].

Анализ нормы п. «б» ст. 3 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (далее — Закон РФ № 3-ФКЗ) [15] позволяет установить, что формулировка обстоятельств, при которых возможно введение на территории РФ или в отдельных ее местностях чрезвычайного положения содержательно практически идентична понятию чрезвычайной ситуации, приведенной в Законе № 68-ФЗ. Иными словами, препятствия для введения на территории РФ чрезвычайного положения также, по нашему мнению, отсутствуют.

Наряду с этим на территории РФ с 30 марта 2020 г. правовой основой введения ограничений являлись указы Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206, от 2 апреля 2020 г. № 239, от 28 апреля 2020 г. № 294, от 11 мая 2020 г. № 316. Указами Президента РФ в нашем государстве установлен режим нерабочих дней с сохранением за работниками заработной платы. Нормативной правовой основой указов, как следует из их преамбулы, стали положения Закона РФ № 52-ФЗ [16; 17; 18; 19]. Тем не менее, исходя из содержания Указа Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239, можно сделать вывод о том, что руководителям субъектов РФ предписано реализовать в соответствующих субъектах РФ комплекс ограничительных и иных мероприятий, включая приостановление деятельности организаций и введение особого порядка передвижения на территории.

Учитывая, во-первых, масштабы распространения коронавирусной инфекции в России, во-вторых, наличие критериев, определенных Постановлением № 304, на наш взгляд, не лишены логики и правовой основы возможные меры по введению режима чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации либо карантинных ограничений как на территории России в целом, так и в Санкт-Петербурге в частности. Это тем более представляется справедливым, поскольку нормативные правовые акты, регламентирующие порядок введения и действия данных режимов, устанавливают гарантии возмещения ущерба, который, очевидно, может быть причинен гражданам и организациям вследствие действия ограничительных мер.

Следует учитывать оперативность реагирования Президента РФ на такой существенный вызов, как распространение инфекции. Посредством принятия указов глава государства, как нам кажется, потребовал активных действий от органов государственного управления субъектов РФ с целью недопущения создания или минимизации угрозы жизни и здоровью граждан.

Введение различных правовых режимов ограничений (от повышенной готовности до чрезвычайного положения) посредством внесения изменений и

дополнений в федеральное законодательство, а чаще всего — принятия подзаконных (например, в Санкт-Петербурге) нормативных правовых актов, не способствует ясности и предсказуемости регулирования общественных отношений. В юридическом сообществе также выражают сомнения в связи с этим. По мнению И. А. Алебастровой, введение режима ограничений в совокупности с возложением бремени компенсации убытков на работодателей «вообще не соответствует» Конституции РФ [20, с. 14]. Интерес представляет работа В. Ю. Гулаковой и Н. С. Касторнова, в которой говорится о том, что меры, принимаемые на территории страны, не отвечают критериям режима повышенной готовности, а выходят за его пределы [21, с. 28].

Полагаем, существуют основания утверждать, что федеральное законодательство допускает широкое усмотрение федеральных органов исполнительной власти при разрешении вопроса о введении особых правовых режимов деятельности граждан, поскольку предмет регулирования Закона РФ № 3-ФКЗ, Закона РФ № 68-ФЗ, Закона РФ № 52-ФЗ сформулирован недостаточно конкретно.

Такое положение не соответствует правовым позициям Конституционного суда РФ, который неоднократно отмечал, что федеральный законодатель обязан строго, без возможности расширительного толкования, определить цели и меры ограничения прав и свобод граждан и обеспечить их соразмерность [22; 23; 24]. В этой связи в условиях распространения инфекционных заболеваний должны быть установлены ограничения, предусмотренные исключительно действующими в текущий момент времени нормами. Изменения законодательства, приведенные в статье, не требовались, поскольку нормы, регулирующие соответствующие отношения, представлены в нормативных правовых актах.

По нашему мнению, фактически осуществлена модернизация режима повышенной готовности органов государственной власти. Органам исполнительной власти федерального и регионального уровня делегированы полномочия по установлению конкретных ограничений прав и свобод граждан и организаций. Однако предоставление таких полномочий противоречит как назначению исполнительной власти, так и нормам федерального, в том числе конституционного законодательства. В сущности, оказались легитимированы директивные акты, принятые субъектами РФ, в том числе Постановление № 121.

До изменения норм федерального законодательства главы субъектов РФ обладали полномочиями по объявлению режима чрезвычайной ситуации на территории субъекта РФ. Запрет на введение такого режима отсутствовал в упомянутых ранее нормативных правовых актах Президента РФ. Между тем установленные сегодня в регионах «пандемийные ограничения» представляют собой комплекс мер, обеспечивающих особый порядок перемещения граждан, режим работы организаций и т. п. Иными словами, «пандемийные ограничения» — это специальный правовой режим, нормативную основу которого составляют подзаконные по своей природе акты (постановления исполнительных органов власти). До сих пор парламенты субъектов РФ, по сути, отстранены от участия в разработке необходимых мероприятий по ограничению, реализуя свои полномочия лишь общим указанием на наличие у органов исполнительной власти полномочий по введению любых ограничений.

Не стоит забывать о том, что установление ограничительных мер, не предусмотренных законодательством РФ, ранее было предметом рассмотрения в Конституционном суде РФ. К примеру, Конституционный суд РФ в постановлении от 31 июля 1995 г. № 10-П признал противоречащими Конституции РФ правовые акты Президента РФ и Правительства РФ, которыми на территории Чеченской

Республики введены правовые режимы, не предусмотренные законодательством РФ [25].

В этой связи представляются не вполне обдуманно принимаемые попытки введения в законодательство QR-кодов [26], которые будут подтверждать вакцинацию человека; факт того, что человек перенес заболевание вследствие коронавирусной инфекции; наличие у человека медицинского отвода от вакцинации. Беспокойство автора детерминировано тем фактом, что коды должны обеспечить реализацию права гражданина на посещение общественных мест. Предполагаемая «рамочность» будущего федерального закона [27] также вызывает ряд вопросов. Передача соответствующих полномочий органам государственной власти субъектов РФ, полагаем, вступает в противоречие с нормой ч. 3 ст. 55, поскольку именно федеральный законодатель должен определить меры, направленные на ограничение прав и свобод человека.

Далее обратимся к проблеме соответствия установленных ограничительных мер Уставу Санкт-Петербурга. В преамбуле Постановления № 121 в первоначальной редакции отсутствовала отсылка к п. «о-10» ст. 7 Закона Санкт-Петербурга № 514-76, поскольку указанная норма введена в действие Законом Санкт-Петербурга от 8 апреля 2020 г. № 205-43 «О внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга “О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Санкт-Петербурге”» (далее — Закон Санкт-Петербурга № 205-43) [28]. Пунктом «о-10» по аналогии с нормой Закона № 68-ФЗ Правительству Санкт-Петербурга предоставлены полномочия по установлению обязательных для граждан и организаций правил поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации [29]. Из этого следует, что и в Санкт-Петербурге произошла легитимация ранее принятых Правительством данного города мер, ограничивающих права граждан и организаций. Законодателями Санкт-Петербурга также не установлены меры, которые могут быть применены в отношении граждан и организаций.

В то же время в Уставе Санкт-Петербурга отсутствуют нормы, предусматривающие порядок введения ограничительных мер и форму соответствующего правового акта, кроме общей отсылки в ст. 3 Устава Санкт-Петербурга к Закону РФ № 3-ФКЗ [30]. Между тем ст. 4 Закона № 3-ФКЗ предусмотрено, что только Президент РФ обладает полномочиями по установлению правового режима чрезвычайного положения на территории страны либо в отдельных ее местностях. Следовательно, Уставом Санкт-Петербурга органам государственной власти указанного города не предоставлены полномочия по ограничению прав и свобод граждан и их объединений, организаций.

Таким образом, полагаем, что положения Закона Санкт-Петербурга № 514-76 в аспекте возложения на Правительство указанного города полномочий по введению обязательных правил поведения, предусматривающих ограничения прав граждан и организаций, вступают в противоречие с Уставом Санкт-Петербурга. Изложенное обуславливает важность корректировки норм Устава Санкт-Петербурга в целях нормативного правового обеспечения деятельности по предотвращению угрозы безопасности жизни и здоровью граждан.

Итак, нельзя не согласиться с необходимостью введения режима ограничений с целью противодействия распространения инфекции. Однако рассмотрение принятых мер с точки зрения соблюдения принципов верховенства права, законности и соразмерности вызывает тревогу. Нормы федерального законодательства не позволяли вводить запрет на передвижение внутри зоны чрезвычайной ситуации и не предусматривали возможности ограничения (или даже запрета) деятельности индивидуальных предпринимателей. Постановле-

нием № 304 установлены критерии (количество жертв, размер причиненного ущерба), при наличии которых должен быть введен режим чрезвычайной ситуации.

Вместе с тем федеральное законодательство РФ допускает широкое усмотрение федеральных органов исполнительной власти при разрешении вопроса о введении особых правовых режимов деятельности граждан, поскольку предмет регулирования Закона РФ № 3-ФКЗ, Закона РФ № 68-ФЗ, Закона РФ № 52-ФЗ сформулирован не вполне конкретно. Такое положение не соответствует правовым позициям Конституционного суда РФ, который неоднократно отмечал, что федеральный законодатель обязан строго, без возможности расширительного толкования, определить цели и меры ограничения прав и свобод граждан, обеспечить их соразмерность.

Таким образом, изменение норм федерального законодательства не требовалось, поскольку нормы, регулирующие соответствующие отношения, уже содержались в нормативных правовых актах. При этом предоставление органам исполнительной власти полномочий по введению ограничений без согласования с представительными органами государственной власти противоречит как назначению исполнительной власти, так и нормам федерального, в том числе конституционного законодательства.

Между тем нормы Устава Санкт-Петербурга следует скорректировать в целях нормативного правового обеспечения деятельности по предотвращению и минимизации угроз безопасности жизни и здоровью лиц, находящихся на территории Санкт-Петербурга. Сегодня установление ограничений прав и свобод человека в отсутствие факта введения режима чрезвычайного положения вступает в противоречие с нормой ст. 3 Устава Санкт-Петербурга.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с поправками) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. 360 с.
3. Янгол Н. Г. Чрезвычайное законодательство и исключительные правовые режимы: курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2006. 207 с.
4. Родионов О. С. Механизм установления правовых режимов российским законодательством: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 157 с.
5. Ситников А. П. Вопросы соотношения категорий «правовой режим», «правовое состояние», «правовой порядок» // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 31. С. 9–11.
6. Беляева Г. С. К вопросу о понятии правового режима ограничений // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. № 4. С. 11–13.
7. О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19): постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13 марта 2020 г. № 121 // Администрация Санкт-Петербурга: офиц. сайт. URL: <http://www.gov.spb.ru> (дата обращения: 15.01.2022).
8. О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 32. Ст. 1227.
9. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: федер. закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ // Российская газета. 1999. 6 апреля.
10. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федер. закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ // Российская газета. 1994. 24 декабря.

11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: федер. закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ // *Российская газета*. 2020. 3 апреля.
12. *Воронцов С. А.* О соотношении прав и свобод человека с уровнем безопасности личности, общества, государства в период пандемии // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2020. № 5 (120). С. 50–53.
13. *Коновалов А. М.* Законно ли введены режим повышенной готовности и последовавшие за ним ограничения прав и свобод на территориях субъектов Российской Федерации? // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2020. № 7. С. 32–34. DOI: 10.18572/1813-1247-2020-7-32-34
14. О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: постановление Правительства РФ от 21 мая 2007 г. № 304 // *Российская газета*. 2007. 26 мая.
15. О чрезвычайном положении: федер. конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ // *Российская газета*. 2001. 2 июня.
16. Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней: указ Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 // *Российская газета*. 2020. 27 марта.
17. О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 // *Российская газета*. 2020. 3 апреля.
18. О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ Президента РФ от 28 апреля 2020 г. № 294 // *Российская газета*. 2020. 30 апреля.
19. Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ Президента РФ от 11 мая 2020 г. № 316 // *Российская газета*. 2020. 13 мая.
20. У Конституции есть первородный грех, и наши власти решили согрешить еще. Интервью с И. Алебастровой // *Закон*. 2020. № 5. С. 14–18.
21. *Гулакова В. Ю., Касторнов Н. С.* Об организационно-правовых мерах борьбы с пандемией в России // *Базис*. 2020. № 1 (7). С. 26–29.
22. По делу о проверке конституционности постановлений Верховного Совета Северо-Осетинской ССР от 6 марта 1993 г. «О Программе комплексного решения проблемы беженцев, вынужденных переселенцев и лиц, покинувших территорию Северной Осетии» и от 26 марта 1993 г. «О переговорах официальных делегаций Северо-Осетинской ССР и Ингушской Республики 18–20 марта 1993 года»: постановление Конституционного Суда РФ от 17 сентября 1993 г. № 17-П // *Вестник Конституционного Суда РФ*. 1994. № 6. С. 12–26.
23. По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Смирнова: постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 1995 г. № 17-П // *Вестник Конституционного Суда РФ*. 1995. № 10. С. 48–53.
24. По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 92 Конституции Республики Башкортостан, части первой статьи 3 Закона Республики Башкортостан «О Президенте Республики Башкортостан» (в редакции от 28 августа 1997 г.) и статей 1 и 7 Закона Республики Башкортостан «О выборах Президента Республики Башкортостан»: постановление Конституционного Суда РФ от 27 апреля 1998 г. № 12-П // *Вестник Конституционного Суда РФ*. 1998. № 4. С. 39–46.
25. По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта» // *Вестник Конституционного Суда РФ*. 1994. № 6. С. 12–26.

- Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 3. С. 45–57.
26. В ГД внесены законопроекты об использовании QR-кодов в общественных местах и на транспорте // Государственная Дума Федерального Собрания РФ: офиц. сайт. URL: <http://duma.gov.ru/news/52707/> (дата обращения: 18.11.2021).
27. Путин назвал закон о QR-кодах рамочным и последнее слово дал регионам // Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ). 2021. 9 декабря. URL: http://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20211209/307589019.html (дата обращения: 11.12.2021).
28. О внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Санкт-Петербурге: закон Санкт-Петербурга от 8 апреля 2020 г. № 205-43 // Администрация Санкт-Петербурга: офиц. сайт. URL: www.gov.spb.ru/norm_baza/npra (дата обращения: 11.12.2021).
29. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Санкт-Петербурге: закон Санкт-Петербурга от 20 октября 2005 г. № 514-76 // Санкт-Петербургские ведомости. 2005. 1 ноября.
30. Устав Санкт-Петербурга // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга (специальный выпуск). 1998. 23 января.

Информация об авторе

М. Г. Шишкин — аспирант третьего года обучения кафедры конституционного и международного права; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the author

M. G. Shishkin — Postgraduate Student of the Department of Constitutional and International Law; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 18.01.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 22.03.2022.

The article was submitted 18.01.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 22.03.2022.